

Василий Песков

ТАЕЖНЫЙ
ТУПИК
♦
СТРАНСТВИЯ

Санкт-Петербург

УДК 929
ББК 63.3(2)-7
П 28

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

В оформлении издания использованы фотографии автора
из семейного архива.

Песков В.

П 28 Таежный тупик. Странствия : очерки / Василий Песков. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 880 с. : ил. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29252-9

Когда в 1978 году геологи случайно обнаружили на реке Абакан заимку отшельников Лыковых, Василий Михайлович Песков был первым репортером, осветившим эту историю, и с тех пор не оставлял таежных робинзонов своим вниманием, сделавшись летописцем семьи. Его очерки вызвали огромный резонанс в советской прессе и принесли автору мировую известность. Со временем они сложились в документальную повесть «Таежный тупик», удивительная история старообрядцев Лыковых и их младшей дочери Агафьи стала своеобразным документом эпохи, открыв огромный пласт народной истории страны.

Василий Песков — журналист, фотограф, натуралист и путешественник, ведущий одной из самых любимых программ советского телевидения — «В мире животных». Его очерки о природе родной страны снискали ему любовь миллионов читателей. Путевым заметкам и репортажам В. М. Пескова свойственна трогательная поэтизация окружающего пространства, будь то деревенский быт, ледяные просторы Арктики или суровая тайга. Поездки писателя по стране и миру в качестве корреспондента «Комсомольской правды» составили книгу «Странствия», которая приглашает читателя стать попутчиком в увлекательном путешествии по Африке, Европе, Америке и Антарктиде.

УДК 929
ББК 63.3(2)-7

© В. М. Песков (наследник), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29252-9

ТАЕЖНЫЙ ТУПИК

*История семьи
староверов Лыковых*

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Слова «Таежный тупик» не нуждаются в пояснении. Редкий из читающих газеты людей не знает, что речь идет о судьбе Лыковых. Впервые о таежной «находке» геологов «Комсомольская правда» рассказала в 1982 году. Интерес к маленькой документальной повести был огромным. Еще бы, речь шла о семье, более тридцати лет прожившей в изоляции от людей. И не где-то на юге, а в Сибири, в тайге. Все было интересно — обстоятельства, приведшие к исключительной робинзонаде, трудолюбие, сплоченность людей в борьбе за существование, находчивость и умелость и, конечно, религиозная вера, ставшая причиной жизненного тупика, но и служившая опорой людям в необычайных, исключительных обстоятельствах. Непросто было в 82-м году собрать информацию обо всем, что случилось. Что-то недоговаривалось, о чем-то Лыковы просто предпочитали молчать, еще не вполне доверяя людям из «мира», кое-что в сбивчивом, непоследовательном рассказе было просто трудно понять. И как проверить услышанное? Пришлось подробно расспрашивать геологов, уже хорошо знавших Лыковых, сопоставлять, сравнивать. Еще труднее было в 1982 году повесть публиковать. Как рассказать в молодежной газете об отшельниках-староверах, не впадая в «антирелигиозные разоблачения»? Единственно верным было, показав драму людей, восхититься их жизнестойкостью, вызвать чувства сострадания и милосердия. Так история Лыковых и изложена.

Успех публикации был огромный. За сорок с лишним лет журналистской работы я не помню случая столь жгучего интереса к необычной судьбе людей. К газетным киоскам с раннего утра выстраивались очереди. Газеты передавались из рук в руки и зачитывались до дыр. Из некоторых зарубежных изданий поступили

запросы о подробностях таежной робинзонады, редакции просили прислать фотографии, подтверждавшие житие Лыковых. Тираж «Комсомольской правды» в тот год вырос до двадцати одного миллиона. Это является пока рекордом в газетной практике. И сенсация не умерла, как это часто бывает, через неделю. Внимание к сибирской робинзонаде стойко держится вот уже более шестнадцати лет. Я не знаю человека среднего возраста в нашей стране, который не слышал бы об этом исключительном случае в человеческой жизни.

Читательский интерес к публикациям совпадал и с моим интересом проследить за судьбой двух оставшихся от семьи, Агафьи и Карпа Осиповича. Судьба их, пусть краешком, вошла в соприкосновение с тем, что они называют «мирской жизнью». Каким будет этот процесс, к чему приведет? Шестнадцать лет подряд — то зимою, то летом, то осенью — я старался бывать у Лыковых. И всегда в житие и судьбе их обнаруживалось что-нибудь новое, любопытное. Кое в чем Лыковым надо было и помогать. Я это делал с радостью, опираясь на участие своих друзей в Таштыпе и Абакане. Отчет о каждой поездке публиковался в «Комсомольской правде». То, что здесь вы прочтете, — газетные очерки, собранные в книгу.

Еще хотел бы сказать спасибо людям, чья помощь Лыковым была у меня на глазах, кто помогал и мне добираться к избушке на Абакане. Имена их в повести вы найдете.

От семьи Лыковых осталась теперь только младшая дочь Агафья, живет в тайге в одиночестве. Обо всем этом вам предстоит прочитать.

РАССКАЗ НИКОЛАЯ УСТИНОВИЧА

В феврале мне позвонил, возвращаясь с юга в Сибирь, красноярский краевед Николай Устинович Журавлев. Он спросил: не интересуется ли газету одна исключительная человеческая история?.. Через час я уже был в центре Москвы, в гостинице, и внимательно слушал сибирского гостя.

Суть истории была в том, что в горной Хакасии, в глухом, малодоступном районе Западного Саяна, обнаружены люди, более сорока лет совершенно оторванные от мира. Небольшая семья. В ней выросли двое детей, с рождения не видавшие никого, кроме

родителей, и имеющие представление о человеческом мире только по их рассказам.

Я сразу спросил: знает ли это Николай Устинович по разговорам или видел «отшельников» сам? Краевед сказал, что сначала прочел о случайной «находке» геологов в одной служебной бумаге, а летом сумел добраться в далекий таежный угол. «Был у них в хижине. Говорил, как вот сейчас с вами. Ощущение? Допетровские времена вперемежку с каменным веком! Огонь добывают кресалом... Лучина... Летом босые, зимой — обувь из бересты. Жили без соли. Не знают хлеба. Язык не утратили. Но младших в семье понимаешь с трудом... Контакт имеют сейчас с геологической группой и, кажется, рады хотя бы коротким встречам с людьми. Но по-прежнему держатся настороженно, в быту и укладе жизни мало что изменили. Причина отшельничества — религиозное сектантство, корнями уходящее в допетровские времена. При слове «Никон» плюются и осеняют себя двуперстием, о Петре I говорят как о личном враге. События жизни недавней были им неизвестны. Электричество, радио, спутники — за гранью их понимания». Обнаружили «робинзонов» летом 1978 года. Воздушной геологической съемкой в самом верховье реки Абакан были открыты железорудные залежи. Для их разведки готовились высадить группу геологов и с воздуха подбирали место посадки. Работа была кропотливой. Летчики много раз пролетали над глубоким каньоном, прикидывая, какая из галечных кос годится для приземления.

В один из заходов на склоне горы пилоты увидели что-то явно походившее на огород. Решили сначала, что показалось. Какой огород, если район известен как нежилой?! «Белое пятно» в полном смысле — до ближайшего населенного пункта вниз по реке 250 километров... И все-таки огород! Поперек склона темнели линейки борозд — скорее всего, картошка. Да и прогалина в темном массиве лиственниц и кедровника не могла сама по себе появиться. Вырубка. И давнишняя.

Снизившись, сколько было возможно, над вершинами гор, летчики разглядели у огорода что-то похожее на жилье. Еще один круг заложили — жилье! Вон и тропка к ручью. И сушатся плахи расколотых бревен. Людей, однако, не было видно. Загадка! На карте пилотов в таких безлюдных местах любая жилая точка, даже пустующее летом зимовье охотника, обязательно помечается. А тут огород!

Поставили летчики крестик на карте и, продолжая поиск площадки для приземления, нашли ее наконец у реки, в пятнадцати километрах от загадочного местечка. Когда сообщали геологам о результатах разведки, особо обратили внимание на загадочную находку.

Геологов, приступивших к работе у Волковской рудной залежи, было четверо. Трое мужчин и одна женщина — Галина Письменская, руководившая группой. Оставшись с тайгой наедине, они уже ни на минуту не упускали из виду, что где-то рядом таинственный «огород». В тайге безопаснее встретить зверя, чем незнакомого человека. И чтобы не теряться в догадках, геологи решили без промедления прояснить обстановку. И тут уместней всего привести запись рассказа самой Галины Письменской.

«Выбрав погожий день, мы положили в рюкзак гостинцы возможным друзьям, однако на всякий случай я проверила пистолет, висевший у меня на боку.

Обозначенное летчиками место лежало примерно в пяти километрах вверх по склону горы. Поднимаясь, мы вышли вдруг на тропу. Вид ее, даже глазу неопытному, мог бы сказать: тропую пользуют уже много лет и чьи-то ноги ступали по ней совсем недавно. В одном месте стоял у тропы прислоненный к дереву посошок. Потом мы увидели два лабаза. В этих стоявших на высоких столбах постройках обнаружили берестяные короба с нарезанной ломтиками сухой картошкой. Эта находка почему-то нас успокоила, и мы уже уверенно пошли по тропе. Следы присутствия тут людей попадались теперь все время — брошенный покоробленный туесок, бревно, мостком лежащее над ручьем, следы костра... И вот жилище возле ручья. Почерневшая от времени и дождей хижина со всех сторон была обставлена каким-то таежным хламом, корьем, жердями, тесинами. Если бы не окошко размером с карман моего рюкзака, трудно бы было поверить, что тут обитают люди. Но они, несомненно, тут обитали — рядом с хижиной зеленел ухоженный огород с картошкой, луком и репой. У края лежала мотыга с прилипшей свежей землей.

Наш приход был, как видно, замечен. Скрипнула низкая дверь. И на свет божий, как в сказке, появилась фигура древнего старика. Босой. На теле латаная-перелатаная рубаха из мешковины. Из нее ж — портки, и тоже в заплатках, нечесаная борода, всклокочен-

ные волосы на голове. Испуганный, очень внимательный взгляд. И нерешительность. Переминаясь с ноги на ногу, как будто земля сделалась вдруг горячей, старик молча глядел на нас. Мы тоже молчали. Так продолжалось с минуту. Надо было что-нибудь говорить. Я сказала:

— Здравствуйте, дедушка! Мы к вам в гости...

Старик ответил не тотчас. Потоптался, оглянулся, потрогал рукой ремешок на стене, и наконец мы услышали тихий нерешительный голос:

— Ну проходите, коли пришли...

Старик открыл дверь, и мы оказались в затхлых, липких потемках. Опять возникло тягостное молчание, которое вдруг прорвалось всхлипыванием, причитаниями. И только тут мы увидели силуэты двух женщин. Одна билась в истерике и молилась: „Это нам за грехи, за грехи...“ Другая, держась за столб, подпиравший провисшую матицу, медленно оседала на пол. Свет оконца упал на ее расширенные, смертельно испуганные глаза, и мы поняли: надо скорее выйти наружу. Старик вышел за нами следом. И, тоже немало смущенный, сказал, что это две его дочери.

Давая новым своим знакомым прийти в себя, мы разложили в сторонке костер и достали кое-что из еды.

Через полчаса примерно из-под навеса избенки к костру приблизились три фигуры — дед и две его дочери. Следов истерики уже не было — испуг и открытое любопытство на лицах.

От угощения консервами, чаем и хлебом подошедшие решительно отказались: „Нам это не можно!“ На каменный очаг возле хижины они поставили чугунок с вымытой в ручье картошкой, накрыли посуду каменной плиткой и стали ждать. На вопрос: „Ели они когда-нибудь хлеб?“ — старик сказал: „Я-то едал. А они нет. Даже не видели“.

Одеты дочери были так же, как и старик, в домотканую конопляную мешковину. Мешковатым был и покрой всей одежды: дырки для головы, поясная веревочка. И все — сплошные заплаты.

Разговор поначалу не клеился. И не только из-за смущения. Речь дочерей мы с трудом понимали. В ней было много старинных слов, значение которых надо было угадывать. Манера говорить тоже была очень своеобразной — глуховатый речитатив с произношением в нос. Когда сестры говорили между собой, звуки их голоса напоминали замедленное, приглушенное воркование.

Вечеру знакомство продвинулось достаточно далеко, и мы уже знали: старика зовут Карп Осипович, а дочерей — Наталья и Агафья. Фамилия — Лыковы.

Младшая, Агафья, во время беседы вдруг с явной гордостью заявила, что умеет читать. Спросив разрешения у отца, Агафья шмыгнула в жилище и вернулась с тяжелой закопченной книгой. Раскрыв ее на коленях, она нараспев, так же, как говорила, прочла молитву. Потом, желая показать, что Наталья тоже может прочесть, положила книгу ей на колени. И все значительно после этого помолчали. Чувствовалось: умение читать высоко у этих людей ценилось и было предметом, возможно, самой большой их гордости.

„А ты умеешь читать?“ — спросила меня Агафья. Все трое с любопытством ждали, что я отвечу. Я сказала, что умею читать и писать. Это, нам показалось, несколько разочаровало старика и сестер, считавших, как видно, умение читать и писать исключительным даром. Но умение есть умение, и меня принимали теперь как равную.

Дед посчитал, однако, нужным тут же спросить, девка ли я. „По голосу и в остальном — вроде девка, а вот одежда...“ Это позабавило и меня, и троих моих спутников, объяснивших Карпу Осиповичу, что я умею не только писать, читать, но и являюсь в группе начальником. „Неисповедимы твои дела, Господи!“ — сказал старик, перекрестившись. И дочери тоже начали молиться.

Молитвою собеседники наши прерывали долго тянувшийся разговор. Вопросов с обеих сторон было много. И пришло время задать главный для нас вопрос: каким образом эти люди оказались так далеко от людей? Не теряя осторожности в разговоре, старик сказал, что ушли они с женой от людей по Божьему повелению. „Нам не можно жить с миром...“ Принесенные нами подарки — клочок полотна, нитки, иголки, крючки рыболовные — тут были приняты с благодарностью. Материю сестры, переглядываясь, гладили руками, рассматривали на свет.

На этом первая встреча окончилась. Расставание было почти уже дружеским. И мы почувствовали: в лесной избушке нас будут теперь уже ждать».

Можно понять любопытство четырех молодых людей, неожиданно-негаданно повстречавших осколок почти «ископаемой» жизни. В каждый погожий свободный день они спешили к таежному тай-

нику. «Казалось, мы все уже знаем о судьбе таежных затворников, вызывавших одновременно любопытство, удивление и жалость, как вдруг обнаружилось: мы знакомы еще не со всеми в семье».

В четвертый или пятый приход геологи не застали в избушке хозяина. Сестры на их расспросы отвечали уклончиво: «Скоро придет». Старик пришел, но не один. Он появился на тропке в сопровождении двух мужчин. В руках посошки. Одежда все та же — латаная мешковина. Босые. Бородатые. Немолодые уже, хотя о возрасте трудно было судить. Смотрели оба с любопытством и настороженно. Несомненно, от старика они уже знали о визитах людей к тайнику. Они были уже подготовлены к встрече. И все же один не сдержался при виде той, что больше всего возбуждала у них любопытство. Шедший первым обернулся к другому с возгласом: «Дмитрий, девка! Девка стоит!» Старик спутников урезонил. И представил как своих сыновей.

— Это старший, Савин. А это — Дмитрий...

При этом представлении братья стояли потупившись, опираясь на посошки. Оказалось, жили они в семье по какой-то причине отдельно. В шести километрах, вблизи реки, стояла их хижина с огородом и погребом. Это был мужской «филиал» поселения. Обе таежные хижины соединяла тропа, по которой туда и сюда ходили почти ежедневно.

Стали ходить по тропе и геологи. Галина Письменская: «Дружелюбие было искренним, обоюдным. И все же мы не питали надежды, что „отшельники“ согласятся посетить наш базовый лагерь, расположенный в пятнадцати километрах вниз по реке. Уж больно часто мы слышали фразу: „Нам это не можно“. И каково же было удивление наше, когда у палаток появился однажды целый отряд. Во главе сам старик, и за ним „детвора“ — Дмитрий, Наталья, Агафья, Савин. Старик в высокой шапке из камуса кабарги, сыновья — в клобуках, сшитых из мешковины. Одеты все пятеро в мешковину. Босые. В руках посошки. За плечами на лямках — мешки с картошкой и кедровыми орехами, принесенными нам в гостинцы...

Разговор был общим и оживленным. А ели опять врозь — „нам вашу еду не можно!“. Сели поодаль под кедром, развязали мешки, жуют картофельный „хлеб“, по виду более черный, чем земля у Абакана, запивают водою из туесков. Потом погрызли орехов — и за молитву.

В отведенной для них палатке гости с любопытством разглядывали раскладушки. Дмитрий, не раздеваясь, лег на постель. Савин не решился. Сел рядом с кроватью и так, сидя, спал. Я позже узнала: он и в хижине приспособился сидя спать — „едак Богу угодней“.

Практичный глава семейства долго мял в руках край палатки, пробовал растягивать полотно и цокал языком: „Ох, крепка, хороша! На портки бы — износа не будет...“»

В сентябре, когда на гольцах лежал уже снег, пришла пора геологам улетать. Сходили они к таежным избушкам проститься. «А что, если с нами? — полушутливо сказала „девка-начальник“. — Селитесь где захотите, избу поможем поставить, огород заведем...» — «Нет, нам не можно!» — замахали руками все пятеро. «Нам не можно!» — твердо сказал старик.

Вертолет, улетая, сделал два круга над горой с «огородом». У вороха выкопанной картошки, подняв голову кверху, стояли пятеро босоногих людей. Они не махали руками, не шевелились. Только кто-то один из пяти упал на колени — молился. В «миру» рассказ геологов о находке в тайге, понятное дело, вызвал множество толков, пересудов, предположений. Что за люди? Старожилы реки Абакан уверенно говорили: это кержаки-староверы, такое бывало и раньше. Но появился слух, что в тайгу в 20-х годах удалился поручик-белогвардеец, убивший будто бы старшего брата и скрывшийся вместе с его женой. Говорили и о 30-х годах: «Было тут всякое...»

Николай Устинович Журавлев, отчасти по службе, отчасти по краеведческой страсти ко всему необычному, решил добраться в таежный угол. И это ему удалось. С проводником-охотником и сержантом милиции из райцентра Таштып он добрался к таежному «огороду» и застал там картину, уже описанную. Пятеро людей по-прежнему жили в двух хижинах, убежденные, что так и следует жить «истинным христианам».

Пришедших встретили настороженно. Все же удалось выяснить: это семья староверов, в тайгу семья удалась в конце 20-х годов. Старику Лыкову Карпу Осиповичу было 83 года, старшему сыну Савину — 56, Наталье — 46, Дмитрию — 40, младшей, Агафье, шел 39-й.

Житье и быт убоги до крайности. Молитвы, чтение богослужебных книг и подлинная борьба за существование в условиях почти первобытных.

Вопросов пришедшим не задавали. Рассказ о нынешней жизни и о важнейших событиях в ней «слушали, как марсиане». Николай Устинович был у Лыковых менее суток. Узнал: геологи, теперь уже из расширенной партии, бывают «на огороде» сравнительно часто, одни из понятного любопытства, другие — помочь «старикам» строить новую избу, копать картошку. Лыковы тоже изредка ходят в поселок. Идут, как и прежде, босые, но в одежде появилось кое-что из дареного. Деду пришлось по душе войлочная шляпа с небольшими полями, дочери носят темного цвета платки. Савин и Дмитрий сменили портки домотканые на сшитые из палаточной ткани...

Рассказ Николая Устиновича был интересным, но вызвал много вопросов, на которые полных ответов у рассказчика не было. Не вполне ясен был путь семьи Лыковых в крайнюю точку удаления от людей. Интересно было на примере конкретных жизней увидеть следы раскола, о котором так много было в свое время написано. Но более важным для меня, чем вопросы религии, был вопрос: а как жили?

Как могли люди выжить не в тропиках возле бананов, а в тайге со снегами по пояс и с сибирским морозом? Еда, одежда, бытовой инвентарь, огонь, свет в жилище, поддержание огорода, борьба с болезнями, счет времени — как все это осуществлялось и добывалось, каких усилий и умения требовало? Не тянуло ли к людям? И каким представляется окружающий мир младшим Лыковым, для которых родильным домом была тайга? В каких отношениях они были с отцом и матерью, между собой? Что знали они о тайге и ее обитателях? Как представляют себе «мирскую» жизнь, они ведь знали: где-то есть эта жизнь. Они могли знать о ней хотя бы по пролетающим самолетам.

Немаловажная вещь: существуют вопросы пола, инстинкт продолжения жизни. Как мать с отцом, знавшие, что такое любовь, могли лишиться детей своих этой радости, дарованной жизнью всему существу в ней? Наконец, встреча с людьми. Для младших в семье она, несомненно, была потрясением. Что принесла она Лыковым — радость или, может быть, сожаление, что тайна их жизни открыта? Было много других волнующе непонятных черт затерянной жизни.

Сидя в московской гостинице, мы с Николаем Устиновичем выписали на листок целый столбец вопросов. И решили: как только наступит лето и затерянный край станет доступным для экспедиции, мы посетим Лыковых.

ТОТ КРАЙ

Сейчас, когда я сижу над бумагами в подмосковном жилье с электричеством, телефоном, с телевизором, на экране которого плавают в невесомости и, улыбаясь, посылают на Землю приветы четверо мужчин и одна женщина-космонавтка, все, что я видел в июле, представляется нереальным. Так вспоминаешь обычно явственный длинный сон. Но все это было! Вот четыре блокнота с дождевыми потеками, кедровой хвоей и размятыми меж страниц комарами. Вот карта с маршрутом. Вот, наконец, разрезанная, разложенная по конвертам пленка с ее цветной, недоступной для памяти убедительностью, воскрешающая все подробности путешествия.

Окиньте на карте взглядом середину Сибири — пространство, лежащее у реки Енисей. Этот край, именуемый Красноярским, имеет много природных зон. На юге, где в Енисей вливается Абакан, не хуже, чем в астраханских степях, вызревают арбузы, дыни, томаты. «Сибирская Италия» — говорят иногда об этих местах. На севере, где Енисей превращается уже в море, олени добывают под снегом скудную пищу и люди живут исключительно тем, что может дать разведение оленей. Тысячи километров с юга на север — степь, лесостепь, широченный пояс тайги, лесотундра, полярная зона. Мы много пишем об освоении этого края. И он освоен уже изрядно. Но мудрено ли, что есть тут еще и «медвежьи углы», «белые пятна», места неезженные и нехоженые!

Точка нашего интереса лежит на юге Сибири — в Хакасии, где горный Алтай встречает хребты Саяна. Отыщите начальный хвостик реки Абакан, поставьте на правом его берегу отметку на память — это и есть место, куда мы стремились и откуда с трудом потом выбирались.

В свои молодые годы Земле угодно было так смешать, перепутать тут горные кряжи, что место сделалось исключительно недоступным. «Тут нет никакой проезжей дороги и даже сносной тропы. Едва приметный, скрытый тайгою след пригоден для сооб-

щения людей сильных, выносливых и то с некоторым риском». (Из отчета геологической экспедиции.) «Для проникновения сюда надо преодолеть несколько барьеров, каждый из которых по мере продвижения вглубь становится выше и круче», — читаем в другом отчете.

В Сибири реки всегда служили самым надежным путем для людей. Но Абакан, рождаемый в этих краях, так норовист и так опасен, что лишь два-три сорвиголовы — старожилы-охотники на лодках, длинных, как щуки, — поднимаются вверх по реке близко к истоку. И река совершенно безлюдна. Первый из населенных пунктов — село-городок Абаза — лежит от поставленной нами точки в двухстах пятидесяти километрах.

Забегу вперед, расскажу. Возвращаясь с таежного «огорода», мы попали в полосу непогоды и надолго засели в поселке геологов в ожидании вертолета. Все, чем можно было заняться в дождь при безделье, было испытано. Четыре раза парились в бане, несколько раз ходили в тайгу к бурильным станам, собирали чернику, снимали бурундуков, ловили хариусов, стреляли из пистолета в консервную банку, рассказали все байки. И когда стало уже невмочь, заикнулись о лодке, на приколе стоявшей в заводи Абакана. «Лодка?.. — сказал геолог, начальник разведки. — А если кончится путешествие траурной рамкой и подписью „группа товарищей“? Вам-то что, а меня к прокурору потянут». Мы с Николаем Устиновичем смущенно ретировались. Но на десятый, кажется, очень дождливый день слово «лодка» потихонечку всплыло. «Ладно, — сказал начальник, — рискнем! Но я поплыву вместе с вами».

И мы поплыли. Шесть человек и 300 килограммов груза: фотографический сундучок, бочка с бензином, мотор запасной, шести, топор, спасательные пояса, плащи, ведро соленого хариуса, хлеб, сахар, чай — все вместила видавшая виды абазинская лодка. На корме у мотора сел Васька Денисов, бурильщик, ловкий, бывалый парень, но пока еще лишь кандидат в то считаное число молодцов, уверенно проходящих весь Абакан.

У страха глаза большие, и, возможно, опасность была не так велика, как кажется новичкам. Но, ей-ей, небо не раз виделось нам с овчинку в прямом и образном смысле. В тесном таежном каньоне Абакан несется, дробясь на протоки, создавая завалы из смытых деревьев, вскипая на каменных шиверах. Наша лодка для этой реки была деревянной игрушкой, которую можно швырнуть на

скалы, опрокинуть на быстрине, затянуть под завалы из бревен. Вода в реке не текла — летела! Временами падение потока было настолько крутым, что казалось: лодка несется вниз по пенному эскалатору. В такие минуты мы все молчали, вспоминая родных и близких.

Но хвала кормчему — ничего не случилось! Васька нигде не дал маху, знал, в какую из протоков и в какую секунду свернуть, где скорость держать на пределе, где сбавить, где вовсе идти на шестах; знал поименно скрытые под водой валуны, на которых летели щепы от многих лодок... Как транспортный путь верховье реки Абакан опасно и ненадежно. Но кто однажды этой дорогой в верховьях прошел, тот будет иметь особую точку отсчета в понимании дикой, нетронутой красоты, которой люди коснулись пока лишь глазом.

Природа нам улыбнулась. Половину пути мы плыли при солнце. Обступавшие реку горы источали запах июльской хвои, скалистый сиреневый берег пестрел цветами, небо было пронзительно-синим. Повороты реки то прятали, то открывали глазам череду таинственных сопков, и в любую минуту река могла подарить нам таежную тайну — на каменистую косу мог выйти медведь, марал, лось, мог пролететь над водой глухарь... Все переменчиво в жизни. Больше недели мы кляли погоду, не пускавшую к нам вертолет. Теперь же мы благодарны были ненастью, толкнувшему нас в объятия Абакана.

Два дня с ночевкой в таежном зимовье заняло путешествие. Но оно показалось нам более долгим. Двести пятьдесят километров — и ни единого человеческого жилья! Когда мы с воды увидели первый дым над трубой, то все заорали как по команде: «Абаза!!!» Первый поселок на Абакане в эту минуту нам показался центром Вселенной.

Таким было наше возвращение из тайги после свидания с Лыковыми. Небольшую повесть о встрече с людьми необычайной судьбы я начал с конца, чтобы можно было почувствовать и представить, как далеко от людей они удалились и почему лишь случайно их обнаружили.

В Абазе мы заночевали и как-то совершенно по-новому воспринимали теперь этот пограничный с тайгой село-городок. Он действительно был столицей этого края. У пристани на приколе

стояли десятки лодок, подобных той, на которой мы прибыли из тайги. На них возят тут сено, дрова, грибы, ягоды, кедровые орехи, уплывают охотиться и рыбачить. На берегу у пристани плотники строили новые лодки. Старушки выходили сюда посидеть на скамейках, тут вечером прогуливались парочки, сновали у лодок мальчишки, парни опробовали и чинили моторы или вот так же, как мы, вернувшись с реки, рассказывали, кто что видел, в какую переделку попал.

Прямо к пристани выходили палисадники и огороды уютных, добротных сибирских построек. Зрели яблоки возле домов. Огороды источали запах нагретого солнцем укропа, подсолнухов. Шел от домов смоляной аромат аккуратно уложенных дров. Была суббота, и подле каждого дома курилась банька. На широких опрятных улицах городка траву и асфальт мирно делили телята и «жигули». Афиши извещали о предстоящем приезде известного киноартиста. А на щите объявлений мы без всякого удивления прочитали листок: «Меняю жилье в Ленинграде на жилье в Абазе». Тут живут горняки, лесорубы, геологи и охотники. Все они преданно любят уютную, живописную Абазу. Таков село-городок у края тайги.

Мы тут искали кого-нибудь из тех смельчаков, кто ходил к верховью реки: расспросить о природе тех мест, обо всем, что не успели или упустили узнать у Лыковых и геологов. Застали дома мы охотника Юрия Моганакова. И просидели с ним целый вечер. «Тайга там не бедная! Много всего растет, много чего бегают, — сказал охотник. — Но все же это тайга. В горах снег выпадает уже в сентябре и лежит до самого мая. Может выпасть и лечь на несколько дней в июне. Зимой снег — по пояс, а морозы — под тридцать. Сибирь!»

О Лыковых Юрий слышал. А в прошлом году любопытства ради поднялся до их «норы». На вопрос, что он думает об их таежном житье-бытье, охотник сказал, что любит тайгу, всегда отправляется в нее с радостью, «но еще с большей радостью возвращаюсь сюда, в Абазу». «Замуровать свою жизнь в тайге без людей, без соли, без хлеба — это большая промашка. Сам старик Лыков, я думаю, понял эту промашку».

Еще мы спросили, как смогли Лыковы так далеко подняться по Абакану, если сегодня, имея на лодке два очень сильных мотора, лишь единицы отважатся состязаться с рекой? «Они лодку вели

бечевою и на шестах. Раньше все так ходили, правда недалеко. Но Карп Лыков, я понял, особой закваски кержак. Прошел! Недель восемь, наверное, ушло на то, что сегодня я пробегаю в два дня».

...А вертолет до «таежной норы» шел всего два часа. В десять утра поднялись, а в двенадцать уже искали глазами место посадки.

ВСТРЕЧА В ГОРАХ

Два часа летели мы над тайгой, забираясь все выше и выше в небо. К этому принуждала возрастающая высота гор. Пологие и спокойные в окрестностях Абазы горы постепенно становились суровыми и тревожными. Залитые солнцем зеленые приветливые долины постепенно стали сужаться и в конце пути превратились в темные обрывистые провалы с серебристыми нитками рек и ручьев.

— Выходим на точку! — прокричал мне на ухо командир вертолета.

Как стекляшки на солнце, сверкнула в темном провале река, и пошел над ней вертолет вниз, вниз... Опустились на гальку возле поселка геологов. До лыковского жилища, мы знали, отсюда пятнадцать километров вверх по реке и потом в гору. Но нужен был проводник. С ним был у нас уговор по радио до отлета из Абазы. И вот уже дюжий мастер-бурильщик, потомственный сибиряк Седов Ерофей Сазонтьевич «со товарищи» кидают в открытую дверь вертолета болотные сапоги, рюкзаки, обернутую мешковиной пилу. И мы опять в воздухе, несемся над Абаканом, повторяя в узком ущелье изгибы реки.

Сесть у хижины Лыковых невозможно. Она стоит на склоне горы. И нет, кроме их огорода, ни единой плешины в тайге. Есть, однако, где-то вблизи верховое болотце, на которое сесть нельзя, но можно низко зависнуть. Осторожные летчики делают круг за кругом, примеряясь к полянке, на которой в траве опасно сверкает водица. Во время этих заходов мы видим внизу тот самый обнаруженный с воздуха огород.

Огород! Поперек склона — линейки борозд картошки, еще какая-то зелень. И рядом — почерневшая хижина. На втором заходе у хижины увидели две фигурки — мужчину и женщину. Заслонившись руками от солнца, наблюдают за вертолетом. Появление этой машины означает для них появление людей.

Зависли мы над болотцем, покидали в траву поклажу, спрыгнули сами на подушки сырого мха. Через минуту, не замочив в болоте колес, вертолет упруго поднялся и сразу же скрылся за лесистым плечом горы.

Тишина... Оглушительная тишина, хорошо знакомая всем, кто вот так, в полминуты, подобно десанникам, покидал вертолет. И тут на болоте Ерофей подтвердил печальную новость, о которой уже слышали в Абазе: в семье Лыковых осталось лишь два человека — дед и младшая дочь Агафья. Трое — Дмитрий, Савин и Наталья — скоростижно, почти один за другим скончались в минувшую осень.

— Раньше, бывало, впятером выходили, если слышали вертолет. Теперь видели сами — двое...

Обсуждая с нами причины неожиданной смерти, проводник оплошно взял с болотца неверное направление, и мы два часа блуждали в тайге, полагая, что движемся к хижине, а оказалось — шли как раз от нее. Когда поняли ошибку, сочли за благо вернуться опять на болото и отсюда уже «танцевать».

Час ходьбы по тропе, уже известной нам по рассказам геологов, и вот она, цель путешествия, — избушка, по оконце вросшая в землю, черная от времени и дождей, обставленная со всех сторон жердями, по самую крышу заваленная хозяйственным хламом, коробами и туесами из бересты, дровами, долблеными кадками и корытами и еще чем-то, не сразу понятным свежему глазу. В жилом мире эту постройку под большим кедром принял бы за баню. Но это было жилье, простоявшее тут в одиночестве около сорока лет. Картофельные борозды, лесенкой бегущие в гору, темно-зеленый островок конопли на картошке и поле ржи размером с площадку для волейбола придавали отвоеванному, наверное, немалым трудом у тайги месту мирный обитаемый вид.

Людей, однако, не было видно. Не слышно было ни собачьего лая, ни квохтанья кур, ни других звуков, обычных для человеческого жилья. Диковатого вида кот, подозрительно изучавший нас с крыши избушки, прыгнул и пулей кинулся в коноплю. Да еще птица оляпка вспорхнула и полетела над пенным ручьем.

— Карп Осипович! Жив ли? — позвал Ерофей, подойдя к двери, верхний косяк которой был ему ниже плеча.

В избушке что-то зашевелилось. Дверь скрипнула, и мы увидели старика, вынырнувшего на солнце. Мы его разбудили. Он протирал

глаза, щурился, проводил пятерней по всклокоченной бороде и наконец воскликнул:

— Господи, Ерофей!

Старик явно был встрече рад, но руки никому не подал. Подойдя, он сложил ладони возле груди и поклонился каждому из стоявших.

— А мы ждали, ждали. Решили, что пожарный был вертолет. И в печали уснули.

Узнал старик и Николая Устиновича, побывавшего тут год назад.

— А это гость из Москвы. Мой друг. Интересуется вашей жизнью, — сказал Ерофей.

Старик настороженно сделал поклон в мою сторону:

— Милости просим, милости просим...

Пока Ерофей объяснял, где мы сели и как по-глупому заблудились, я мог как следует рассмотреть старика. Он уже не был таким «домотканно-замшелым», каким был открыт и описан геологами. Подаренная кем-то войлочная шляпа делала его похожим на пасечника. Одет в штаны и рубаху фабричной ткани. На ногах валенки, под шляпой черный платок — защита от комаров. Слегка сгорблен, но для своих восьмидесяти лет достаточно тверд и подвижен. Речь внятная, без малейших огрехов, свойственных возрасту. Часто говорит, соглашаясь: «Едак-едак...», что означает: «так-так». Слегка глуховат, то и дело поправляет платок возле уха и наклоняется к собеседнику. Но взгляд внимательный, цепкий.

В момент, когда обсуждались виды на урожай в огороде, дверь хижины приоткрылась и оттуда мышкой выбежала Агафья, не скрывавшая детской радости оттого, что видит людей. Тоже соединенные вместе ладони, поклоны в пояс.

— Летала, летала машинка... А добрых людей все нету и нету, — проговорила она нараспев, сильно растягивая слова. Так говорят блаженные люди. И надо было немного привыкнуть, чтобы не сбиться на тон, каким обычно с блаженными говорят.

По виду о возрасте этой женщины судить никак невозможно. Черты лица человека до тридцати лет, но цвет кожи какой-то неестественно-белый и нездоровый, вызывавший в памяти ростки картошки, долго лежавшей в теплой сырой темноте. Одета Агафья была в мешковатую черного цвета рубаху до пят. Ноги босые. На голове черный полотняный платок.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПЕСКОВ

ТАЕЖНЫЙ ТУПИК

СТРАНСТВИЯ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Валерия Гореликова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Людмила Дубовая, Татьяна Бородулина,
Ольга Попова, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.06.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 53,9. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-38358-01-R